

ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЕГИПЕТСКОГО МОНАШЕСТВА ПО ДАННЫМ “ЛАВСАИКА”

“Лавсаик” епископа Палладия¹, содержащий сведения о монашеском движении в Египте, Палестине, Малой Азии и Сирии, до сих пор остается ценнейшим источником наших знаний о раннем монашестве. Наиболее многочисленны сведения о Египте, который Палладий посетил предположительно в 388–399 гг., побывав в нескольких наиболее известных монашеских центрах (Нитрии, Келлиях и др.) и собрав уникальный материал о жизни египетских подвижников.

В предисловии к своему сочинению Палладий сообщает Лавсу, что для большинства подвижников, которых он видел или о которых слышал, он указал их “род” (τὸ γένος)², город (ἡ πόλις) и местопребывание (ὁ τόπος τῆς μονῆς)³. Однако это не совсем так. Всего Палладий отмечает шесть “родов”: александриец (Ἀλεξανδρεύς), египтянин, т.е. копт (Αἰγύπτιος), “эфиоп” (Αἰθίοψ), ливиец (Λίβυς), палестинец (Παλαιστίνος) и понтиец (Ποντικός)⁴.

¹ Название происходит от имени Лавса, препозита святого ложа (praepositus sacri cubiculi) при дворе императора Феодосия II (408–450), поскольку представляет собой развернутое послание к нему. Принято полагать, что “Лавсаик” был написан Палладием ок. 419–420 гг. Текст имеет две основные редакции – пространную (так называемую recensio B – см.: PG. T. 34. Col. 995–1260) и краткую (так называемую recensio G). После выхода в свет критического издания Батлера (The Lausiaca History of Palladius / Ed. C. Butler. Vol. I-II. Cambridge, 1898–1904 (Texts und Studies V–VI)), который, проведя большую текстологическую работу, пришел к выводу, что пространная редакция не является аутентичной, поскольку содержит большие интерполяции, прежде всего из греческой версии “Истории монахов”, принято использовать текст краткой редакции по той нумерации глав, которая содержится в издании Батлера. Все нижеследующие греческие цитаты и ссылки из “Лавсаика” будут даны по изданию Бартелинка (Palladio. La Storia Lausiaca / Introduzione di Ch. Mohrmann, testo critico e commento a cura di G.J.M. Bartelink, traduzione di M. Barchiesi. Roma, 1974), которое основано на тексте Батлера, хотя имеет незначительные расхождения.

² В данном случае это не этническая, а скорее, этнокультурная характеристика.

³ Не совсем ясно, как следует понимать μονή. Это слово в данном контексте может означать и место жительства до прихода в монашество, и место подвигов. Скорее всего, здесь имеется в виду второе значение.

⁴ В русском переводе “Лавсаика”, сделанного с пространной редакции, в рассказе о двух известных монахах Паисии и Исайе допущена ошибка: “Были два брата Паисий и Исайя. Отец у них был испанский купец” (см.: Лавсаик или повествование о жизни святых и блаженных отцов. М., 1992. С. 31. К сожалению, не указано с какого издания сделан этот перевод). В греческом оригинале об отце этих братьев сказано буквально следующее: ἐμπόρου Σπανοβόρου. Ἐμπόρος Σπανοβόρος можно перевести как “торговец, плавающий в Испанию по делам” или “купец, ведущий торговлю на испанском направлении” (ср.: Palladio. La Storia Lausiaca..., P. 329. Not. 2). По мнению Бартелинка, Σπανοβόρος могло уже стать именем собственным (un nome proprio). Таким образом испанцами ни Паисий и Исайя, ни их отец быть не могли. Ошибочную их атрибуцию как испанцев см., например: Ванькова А.Б. К вопросу о численности монахов в Египте во второй половине IV в. // ВДИ. 1998. № 4. С. 173. Примеч. 38.

Александрийцем назван монах Эрон (сар. XXVI, XLVII), который, вероятно, подвизался в Нитрии или Келлиях⁵. В главе XXI рассказывается о “монашествующем” (μονάζων) александрийце Евлогии, который получил хорошее образование, но не знал коптского, поскольку общался с преп. Антонием Великим через переводчика. В том и в другом случае речь, безусловно, идет о представителях привилегированной категории населения ранневизантийского Египта⁶, жившей прежде всего в Александрии – носительнице “эллинской культуры”. Довольно сложно в данном случае говорить о этнической принадлежности: были ли эти александрийцы прямыми потомками греков или представляли собой представителей давно эллинизированной местной знати, скорее всего имело место и то, и другое⁷. Но в этой связи важно отметить, что по языку и культуре они были греками, среди которых в Египте IV в. могли быть как христиане, так и последователи разных языческих философских школ поздней античности, прежде всего неоплатонизма. К этому же слою эллинизированного населения Египта можно причислить и еще нескольких известных подвижников, описанных Палладием. Прежде всего это так называемые “Длинные братья” (Диоскор, Аммоний, Евсевий и Евфимий) (сар. X–XI). Про Аммония, например, говорится, что он многократно перечитал сочинения Оригена, Дидима, Пиерия и Стефана⁸ – это, безусловно, круг чтения глубоко эллинизированного и образованного христианина. Однако все братья были учениками известного египетского подвижника аввы Памбо, которого вряд ли можно отнести к кругу образованной столичной элиты. Но можно предположить, что к такой элите принадлежал первый наставник Палладия на монашеском поприще пресвитер александрийской церкви Исидор, подвизавшийся в молодости в Нитрии (сар. I). Вместе со свт. Афанасием и епископом Димитрием он посещал Рим и, по утверждению Палладия, был известен всему Сенату и женам знатных людей Рима⁹. И еще один факт косвенно подтверждает принадлежность Исидора к кругу эллинизированной элиты. В 402 г. вместе с “Длинными братьями”, обвиненными в оригиенизме, он ищет убежища в Малой Азии у свт. Иоанна Златоуста¹⁰. Значит, Исидор мог поддерживать точку зрения нитрийских интеллектуалов и мыслить одинаковыми с ними категориями. К кругу образованных “эллинов” принадлежал и Диокл (сар. LVIII), кото-

⁵ Палладий точно не указывает место его подвигов, он говорит лишь, что Эрон жил с ним по соседству (сар. XXVI). Но Палладий пишет, что сам жил в Нитрии и Келлиях.

⁶ О трех основных категориях римского Египта (римляне, т.е. римские граждане, александрийцы, египтяне) см.: *Фихман И.Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 196–198. Скорее всего, в ранневизантийское время первые две категории сблизились между собой, особенно что касается юридического статуса.

⁷ Ср.: *Bagnall R.* Egypt in Late Antiquity. Princeton, 1993. P. 230–235. Бегнэлл справедливо замечает, что вопрос об этнической принадлежности (ethnicity) в позднеантичном Египте довольно сложен.

⁸ Первые два имени из списка не нуждаются в комментариях. Про Стефана практически ничего не известно. Однако про Пиерия, от трудов которого сохранилось лишь несколько фрагментов, известно, что он был одним из первых преемников Оригена по Александрийской школе и пострадал во время гонений Диоклетиана. См.: *Palladio. La Storia Lausiaca.* P. 326–327.

⁹ Букв.: κατὰ Ῥώμην συγγλήτω πάση ταῖς τε γυναῖξί τῶν μεγιστάνων.

¹⁰ См.: *Palladius. Dialogus de vita S. Johannis Chrysostomi, VI.* См. также: *Palladio. La Storia Lausiaca.* P. 309.

рый учился грамматике, а затем и философии, но в 28 лет стал отшельником возле Антиной. Возможно, Диокл – представитель эллинизированного населения Верхнего Египта, но, возможно, также, что свое образование он получил в Александрии.

“Египтянами” Палладий называет преп. Макария Египетского (сар. XVII), Серапиона (сар. XXXVII), Пиора (сар. XXXIX), Птолемея (сар. XLVII). Хорошо известно также, что коптами были упоминаемые Палладием преп. Антоний Великий (сар. III, IV, VII и т.д.), преп. Пахомий (сар. VII, XVIII, XXII) и преп. Иоанн Ликопольский (сар. XXXV). Скорее всего, преп. Павел Простой (сар. XX, XXII) и преп. Амун (сар. VIII) тоже были коптами, хотя Палладий и не пишет об этом прямо. Можно с большой долей уверенности говорить о том, что коптами были те египетские монахи, которые происходили из сельских районов Египта, например, Хроний и Пафнутий, подвизавшиеся недалеко от своей родной деревни Финик (сар. XLVII)¹¹. При этом следует иметь в виду, что понятие “египтянин” или “копт” гораздо шире, чем понятие “житель египетской хоры”. В последнее время все более уверенно высказывается утверждение о существовании в Египте, помимо греческой (или эллинизированной), так называемой коптской элиты. Ее представители были, безусловно, рангом ниже “греков”, принадлежали к “благородным” семействам из номовых городов. Они могли говорить и писать по-гречески и во многом ориентировались на вкусы местной (или даже столичной) эллинизированной знати. Но ощущали они себя коптами и создавали свою собственную литературу, призванную удовлетворять некоторые свои духовные, интеллектуальные и культурные потребности. Постепенно влияние этой коптской элиты только усиливалось¹². Вполне возможно, что коптская монашеская литература, как оригинальная, так и переводная с греческого, создавалась именно представителями этого культурного слоя египетского общества IV в¹³. Его существование косвенно подтверждается тем, что при многих известных подвижниках, которые не говорили по-гречески, имелись переводчики, например, Кроний (сар. XXI) был переводчиком у преп. Антония Египетского и, скорее всего, присутствовал при его беседе с александрийцем Евлогием, был свой переводчик и у преп. Иоанна Ликопольского (сар. XXXV). Можно также предполагать, что ее представители жили и в самой Александрии, где располагался целый коптский квартал. Возможно, к ее кругу, несмотря на свое не совсем благородное происхождение, принадлежал и знаменитый подвижник преп. Макарий Александрийский, ведь до своего ухода в монашество он торговал заку-

¹¹ ἐκ τῆς χώρας τῆς λεγομένης Φοινίκης. Расположение деревни с таким названием не известно. См.: *Palladio. La Storia Lausiaca*. P. 383.

¹² *Wipszycka E. Le monachisme égyptien et les villes // Idem. Études sur le Christianisme dans l'Égypte de l'Antiquité tardive*. Roma, 1996 (*Studia Ephemeridis Augustinarum*, 52). P. 331. Надо однако сказать о сложности дифференциации городов в византийском Египте. Е. Випшицка имеет в виду, насколько мы смогли понять, что подобная элита концентрировалась в основном в поселениях, которые она называет *les gros bourgs*, представляющие собой промежуточную ступень между столицей нома и комой. В любом случае, однако, эти люди не были крестьянами и не занимались сельским хозяйством.

¹³ Ср.: *Sheridan M. Il mondo spirituale e intellettuale del primo monachesimo egiziano // L'Egitto cristiano. Aspetti e problemi in eta tardo antica / Cur. A. Camplani A. Roma, 1997 (Studia Ephemeridis Augustinianum, 56)*. P. 182–183.

сками в Александрии¹⁴. Следует также учесть, что в городах Египта, особенно в Фиваиде, могли проживать копты (прежде всего ремесленники), которые знали только коптский язык. Наглядный пример тому – преп. Иоанн из Ликополя, который до ухода в монашество по профессии был плотником¹⁵, а его брат – красильщиком (βαφεύς).

Без сомнения, подавляющую часть египетского монашества составляли жители Египта, но говорить о числовом соотношении “греков” и коптов можно лишь очень приблизительно. Утверждение, что большинство монахов были коптами, стало уже “общим местом” историографии о монашеском Египте, и данные “Лавсаика” в целом это подтверждают. Однако следует помнить, что если в Верхнем Египте, безусловно, преобладало коптское население¹⁶, то в Дельте Нила эллинизированное население, как можно предполагать, было довольно многочисленным. Поэтому вопрос о соотношении “греков” и коптов в монастырях Нижнего Египта остается открытым.

Палладий упоминается и о представителях других этнических групп среди египетского монашества. Но было бы большим преувеличением утверждать, что монахи-неегиптяне были в египетских монастырях довольно многочисленны¹⁷. Палладий пишет о двух ливийцах – Стефане (ср. XXIV) и Моисее (ср. XXXIX). Первый подвизался между Мармарикой и Мареотом, т.е. на ближних рубежах Ливийской пустыни¹⁸, второй, – вероятно, в районе знаменитых Келлий¹⁹. Следует сказать, что еще античные авторы (напр.,

¹⁴ τράχηματα λιπράσμων (ср. XVII). Слово τράχημα, главным образом во мн. ч., означало съеденные фрукты или сладости, которые подавали на десерт. См.: *Liddel H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. Vol. II. Oxford, 1940. P. 1809.* Следует отметить, что в сохранившейся коптской (бохайрской) версии “Жития преп. Макария Александрийского”, которая, как сейчас принято считать, основана на коптском переводе “Лавсаика”, он происходил из “мимов” (**ταλο ρεν τμετιμος**), см.: *Amélineau E. Histoire des monastères de la Basse-Égypt. P., 1894. P. 257.*

¹⁵ Бук.: выучился плотницкому ремеслу (ἐμάθε τὴν τεχνονικήν).

¹⁶ Даже в современном Египте, помимо крупнейших городов Александрии и Каира, наибольшая концентрация коптов характерна для районов Верхнего Египта (Асьют, Мина, Сохаг).

¹⁷ Ср., например: *Ванькова А.Б.* Указ. соч. С. 173. Примеч. 38. Автор статьи в качестве подтверждения своей мысли о многочисленности монахов-иноземцев цитирует пассаж из LX главы “Лавсаика”. На самом деле это место является интерполяцией из “Истории монахов” (ср. XX). Звучит оно так: “Пришли мы в Нитрию, где видели многих великих отшельников, одни (из них) – местные, другие – пришлые” (κατήχηθημεν δὲ καὶ εἰς Νιτρίας, ἐνθα πολλοὺς καὶ μεγάλους ἀναχωρητὰς ἐωράκαμεν, τοῦτο μὲν ἐγχωρίους, τοῦτο δὲ καὶ ξένους) (*Historia monachorum in Aegypto / Ed. par A.-J. Festugière. Bruxelles, 1961. (Subsidia hagiographica, N 34). P. 120.*) Греческое τοῦτο δὲ нельзя считать критерием многочисленности, да и само слово ξένος помимо значения “чужой, чужеземец” могло иметь значение “странник” (ср., например, “ксенодохий” (ξενοδοχεῖον), т.е. странноприимный дом, который существовал в Нитрии и был, вполне очевидно, предназначен не только для чужеземных паломников, но и для паломников из других мест Египта). То, что египетские монахи могли совершать путешествия в разные монастыри и сравнительно долго там пребывать, показывает рассказ “Лавсаика” о преп. Макарии Александрийском (ср. XVIII), оставшемся в Тавеннисийском монастыре преп. Пахомия на время Великого Поста.

¹⁸ Мармарика – это приморский район между Египтом и Киренаикой, Мареот – часть Ливии (Ливийской пустыни), по соседству с Египтом. См.: *Palladio. La Storia Lausiaca. P. 351.*

¹⁹ Это можно предположить на том основании, что о Моисее говорится в главе о Пиоре, которая следует сразу за главой о Евагрии. Точно известно, что Евагрий 14 лет подвизался в Келлиях. Палладий часто описывает житие монахов, подвизавшихся поблизости друг от друга (ср.: ср. VII–XIII, где речь идет о нитрийских подвижниках).

Геродот) называли ливийцами светлокожих предков современных берберов, обитавших к западу от Египта²⁰. Вполне возможно, оба эти подвижника происходили из тех ливийцев, которые жили в непосредственной близости к Египту. В X главе “Лавсаика” рассказывается, что авва Памбо велел своему эконому Оригену раздать принесенное ему серебро братии, живущей “по всей Ливии (πᾶσιν τῇ κατὰ Λιβύην) и на островах”, из чего можно заключить, что в IV в. в Ливийской пустыне существовали монашеские общины, которые поддерживали связь с монастырями Египта. В XXV главе “Лавсаика” речь идет о палестинце Валенте, который, вероятнее всего, подвизался в Келлиях²¹. Отдельно следует сказать об известном авве Евагрии (сар. XXXVIII), который, как сообщает Палладий, родом был понтиец и происходил из города Ибор – следовательно, был из Малой Азии.

“Лавсаик” называет и одного “эфиопа” – знаменитого скитского подвижника преп. Моисея (сар. XIX)²², о котором известно и из других источников (например, из *Aprophthegmata Patrum*). Из “Лавсаика” явствует, что он “черный, родом эфиоп” (Αἰθίοψ τῷ γένει, μέλας), был домашним рабом у некоего чиновника (πολιτευομένου τινός), который изгнал его за разврат и разбой. Затем он сделался предводителем шайки разбойников, но, раскаявшись, стал монахом в Скиту, а затем и пресвитером²³. Следует помнить, что “эфиопами” еще в античной традиции называли всех негроидов, но прежде всего мероитов²⁴. Скорее всего, преп. Моисей был родом из пограничных с Египтом областей Нубии, откуда и попал в рабство. Существует еще ряд интересных свидетельств о том, что среди египетских монахов были “эфиопы”. Так автор “Истории монахов” сообщает, что видел в монастыре аввы Аполлона “эфиопов” (Αἰθίοπας, gentis Aethiopia viros)²⁵, которые строгостью и благочестием превосходили многих других иноков монастыря. Если учесть, что автор “Истории монахов” совершил путешествие в Египет ок.

²⁰ См.: *Herod.* II. 29–33; III. 17–43, особ. 168–186, где Геродот перечисляет различные ливийские племена. См. также: История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия. М., 1990. С. 21–38 (особ. примеч. 4 на с. 36), 82–85.

²¹ Палладий говорит, что Валент “долго жил в пустыне вместе с нами”. В той же главе есть указание на “пресвитера нашего блаженного Макария”. Известно, что Палладий жил некоторое время в Нитрии и Келлиях (о его пребывании в Скиту нет надежных данных). Есть также сведения, что преп. Макарий Александрийский, которого Палладий, вероятно, и называет “нашим пресвитером”, был священником в Келиях.

²² В славянской традиции – преп. Моисей Мурин, в современной коптской – Муса шахид. Один из наиболее популярных святых у современных коптов.

²³ По поводу кончины преп. Моисея данные “Лавсаика” и “Апофтегм” несколько расходятся. Палладий пишет, что он скончался (τελευτῆ) в Скиту в возрасте 75, тогда как в “Апофтегмах” речь идет о том, что он был убит варварами, напавшими на Скит (греч. βάρβαροι, копт. **НВАРВАРОС**). Вполне возможно, что этими варварами были блеммии, часто нападавшие на Египет, особенно в конце IV–V в., о чем есть свидетельства в других агиографических источниках. О блеммиях см. например: *Берзина С Я* Мероэ и окружающий мир. I–VIII вв. н.э. М., 1992. С. 96–101.

²⁴ Так, Геродот в своей “Истории” пишет, что город Мероэ столица всей Эфиопии. (II. 29). В известном рассказе из “Деяний Апостолов” (Деян. 8, 27–39) о крещении св. Филиппом эфиопского евнуха (ἀνὴρ Αἰθίοψ εὐνοῦχος) речь идет о приближенном мероитской кандаки. См., например: *Кобищанов Ю. М.* Аксум. М., 1966. С. 57. Примеч. 150. История Африки... С. 466 (указатель на “Эфиопия” и “эфиопы”).

²⁵ *Historia Monachorum*, сар. VIII (по греческому тексту, изданному Фюстюжьером), сар. IX (по латинской версии Руфина).

394–395 гг., то речь может идти о ситуации, синхронно совпадающей с данными Палладия. Материал коптских надписей, обнаруженных в Бауит (например, $\alpha\beta\alpha\zeta[\lambda\mu] \rho\beta\omega\psi$, $\alpha\beta\alpha \iota\omega\sigma\eta\iota \rho\beta\omega\psi$)²⁶, которые датируются более поздним временем, подтверждают наличие в монастыре аввы Аполлона “эфиопов”, поскольку коптское $\epsilon\beta\omega\psi/\epsilon\theta\omega\psi$ полностью эквивалентно греческому Αἰθίοψ в общем значении²⁷. Есть сведения о “эфиопах” в монастырях Нижнего Египта, например, о некоем “Иоанне из эфиопов” ($\iota\omega\alpha\eta\eta\eta\sigma \eta\tau\epsilon \eta\iota\epsilon\beta\omega\psi$), упоминается в надписях из Келлий, опубликованных Р. Кассером²⁸. Еще более любопытные данные содержатся в изданном Ж. Гаску²⁹ Сорбоннском папирусе (P. Sorb. II. 69), представляющим собой фискальный кодекс начала VII в. Там три раза упоминается некий “монастырь эфиопов”: первый раз достаточно ясно – $\mu\omicron\nu\alpha\sigma\tau\eta\rho\iota\omicron\nu \tau\omega\nu \text{Αἰθίοϕων}$ (N 1), во втором упоминании большая лакуна и третье (N 12) читается как $\mu\omicron\nu\alpha\sigma\tau\eta\rho\iota\omicron\nu \epsilon\beta\omega\psi$. Возможно, имеется в виду не один, а несколько монастырей, хотя, на наш взгляд, более правдоподобен первый вариант. На основании этих данных и с учетом известного пассажа из “Церковной истории” Иоанна Эфесского (Hist. Eccl. III. 53), где говорится об аксумитах, последователях Юлиана Галикарнасского, живших в Алодии (одном из нубийских царств), Ф. Луизье пытается обнаружить присутствие аксумитов в среде египетских монахов. Он даже полагает, что эти аксумиты прибыли в Алодию из Египта, где были также распространены взгляды Юлиана. При этом, однако, не следует забывать, что описываемые у Иоанна Эфесского события относятся к 580 г., упоминание об “эфиопском монастыре” к началу VII в. и все ту же неопределенность термина “эфиоп”³⁰. А значит, нет и достаточных оснований говорить о присутствии в IV в. аксумитов в среде египетского монашества.

Не менее интересны данные “Лавсаика” о социальном составе монашества в Египте. Традиционная точка зрения считает египетское монашество сельским движением, основную массу которого составляли выходцы из египетской хоры³¹. Однако в последнее время все более уверенно высказывается

²⁶ См.: Fouilles exécutées à Baouit par J. Maspero. Notes mises en ordre et éditées par E. Drioton. Le Caire, 1932 (MIFAO, 39). P. 57, 138. Бауит – принятое в археологии обозначение монастыря аввы Аполлона.

²⁷ См.: Crum W.E. A Coptic Dictionary. Oxford, 1939. P. 65. Крам упоминает, что термин прилагался к африканским племенам первого порога Нила, однако указывает, что он мог прилагаться также к блеммиям (беджа) и к аксумитам. Вестендорф, помимо значения “эфиоп” (Athiope), дает также значение “нубиец” (Nubier). См.: Westendorf W. Koptisches Handwörterbuch. Heidelberg, 1977, S. 45.

²⁸ См.: Kellia 1965. Genève, 1967. P. 39 (N 2), а также рецензию Ф. Луизье на книгу Ж. Гаску: Gasco J. Un codex fiscal hermopolite (P. Sorb. II. 69). Atlanta, 1994 (American Studies in Papyrology, 32). // Orientalia Christiana Periodica. Vol. 65. Fasc. II. P. 478–479.

²⁹ Gasco J. Un codex fiscal hermopolite (P. Sorb. II. 69).

³⁰ Сам Луизье, впрочем, высказывает свою гипотезу достаточно осторожно, хорошо понимая многозначность термина “эфиоп”. Он приводит цитату из известной надписи Силко (‘Εὐὸ Σίλκω, βασιλίσκος Νουβάδων καὶ ὄλων τῶν Αἰθίοϕων) и комментарии издателей надписи, которые полагают, что в данном случае выражение “все эфиопы” может относиться ко всем народам Нубии ненубадам. См.: Orientalia Christiana Periodica. Vol. 65. Fasc. II. P. 479. Вероятно, в данном случае под “эфиопами” следует иметь в виду мероитов. См.: История Африки... С. 180.

³¹ Обзор мнений по данному вопросу см.: Farag Rofail Farag. Sociological and Moral Studies in the Field of Coptic Monasticism. Leiden, 1964. P. 76–77.

мнение о значительной роли монастырей, которые находились не в “пустынях”, а в непосредственной близости от городов³². Все сведения, приводимые Палладием по этому вопросу, можно условно разделить на две группы. В первую входят указания на этническое или социальное происхождение простых монахов. Как правило, они носят случайный и выборочный характер, не позволяющий сделать столь важный для нас вывод о “социальных пропорциях”. Однако рассмотрев эти скудные данные в социальном контексте египетского общества IV – первой половины V в., на их основе можно сделать некоторые интересные замечания. Вторая группа представляет собой сведения о духовных лидерах египетского монашества, принадлежавших, как правило, к первым поколениям подвижников. И здесь уже возможны по крайней мере предварительные выводы о процентном соотношении крестьян и горожан в среде монашеской элиты. Интерес к такого рода данным обоснован еще и тем, что они не могут носить случайный характер, поскольку трудно предположить, чтобы Палладий сам “назначал” кого-то в великие подвижники. Значит, известность того или иного монаха имела объективный характер: это были аскеты, которые выделялись из основной массы монашества благодаря своим особым подвигам и духовному авторитету.

Начнем с первой группы данных, поднимаясь с их помощью с низших ступеней социальной вертикали Египта IV – первой половины V в. на высшие. В “Лавсаике” содержится несколько указаний на то, что среди египетских монахов могли быть бывшие рабы. Затворница Александра (сар. V) была παιδίσκη, а уже упомянутый известный скитский монах авва Моисей был некогда οἰχέτης. Палладий также сообщает (сар. XLIX), что среди палестинских монахов был Сисиний, происходивший из рабов (ἐξ οἰχέτην). Все приведенные термины применялись главным образом к определенной категории рабов – к челяди, т.е. к домашним рабам. Следовательно, домашние рабы были наиболее мобильным рабским “сословием”, поэтому им легче, по сравнению с другими категориями рабов, было стать монахами, что, помимо прочего, означало перемену социального статуса. При этом, однако, следует помнить, что рабы в IV–V вв. было наиболее бесправным сословием, и нельзя считать, что в среде египетского монашества было много бывших рабов, скорее их там могло быть меньшинство. “Модель” обращения бывших рабов в монашество можно проследить на примере Мелании Младшей (сар. LXI): решив подвизаться, она отпустила своих рабов на волю, но рабынь сделала монахинями (συνασχητρίας εἰργάσατο), которым сама и прислуживала. Вполне возможно, что бывшие рабы попали в “малый монастырь”, устроенный одним из сыновей купца-”спанодрома” (сар. XIV), ведь после смерти родителя братья разделили между собой наследство, которое включало в себя и домашних рабов (οἰχέται).

В XIX главе помимо указаний на разбойную жизнь аввы Моисея “Эфиопа” до монашества упомянуто, что под его влиянием четверо разбойников (ληῃται) раскаялись и стали монахами. Разбойники, как деклассированная прослойка общества, принадлежали по большей части к разряду социальных низов, однако данные папирусов показывают, что разбоем “по совместительству” могли заниматься солдаты и родственники государственных чи-

³² См.: *Wipszycka E. Le monachisme égyptien ...* P. 281–336.

новников³³. Факты, когда разбойники становились монахами, сами по себе интересны, но вряд ли это происходило часто, скорее наоборот. Палладий, вероятнее всего, специально обращает внимание на эти случаи с назидательными целями, чтобы показать, как из глубин нравственного падения человек способен достигнуть небесных высот.

Сложный вопрос представляет собой «крестьянская» составляющая египетского монашества. И связано это не только с тем, что упоминания о монахах, вышедших из крестьянского сословия крайне редки, но и с проблемой существования в Египте, как впрочем и во всей ранневизантийской империи IV в., свободной сельской общины в связи с бурным развитием колонатных отношений, что зафиксировано в римском законодательстве. Однако еще в начале прошлого столетия видный специалист по византийской агнографии А.П. Рудаков предполагал, основываясь на данных житий, что в Византии существовало два вида сельских общин: свободные самоуправляющиеся общины крестьян-собственников и общины, зависимые от крупных землевладельцев³⁴. Г.И. Лебедева, исследовавшая социальную структуру ранневизантийского общества, опираясь на законодательные источники, пишет, о том, что лично свободный сельский плебс представлял собой значительную социальную группу в ранневизантийском обществе³⁵. И.Ф. Фихман, изучавший патронатные отношения в Египте, констатирует, что расцвет крупного землевладения, тесно с ними связанный, приходится на конец V и VI в.³⁶ А.И. Павловская указывает на противоречивые процессы, происходящие в египетской хоре: с одной стороны, идет активный процесс развития патронатных отношений, с другой – сопротивление ему государства с целью сохранения интересов государственной казны³⁷.

³³ Папирус № 48 так называемого архива Авинья упоминает о банде воров, которую возглавляет солдат и куда входили еще один солдат и сын ирнарха. Папирусы № 51, 52, 54 содержат сведения о том, что в кражах и притеснениях принимают участия лица, близко стоящие к людям, призванным следить за обеспечением порядка. См.: *Фихман И.Ф.* Египетский архив середины IV в. н.э. // ВВ. 1967. Т. XXVII. С. 302.

³⁴ *Рудаков А.П.* Очерки византийской культуры по данным греческой историографии. СПб., 1997. С. 174–175. Помимо житийной литературы Рудаков ссылается на свидетельства юридических источников (Кодексы и Новеллы Юстиниана, Василики), а также на данные египетских папирусов.

³⁵ *Лебедева Г.Е.* Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980. С. 109. Лебедева, однако, склонна считать, что колонат развивался в IV в. в массовом порядке. Но она же констатирует факт, что в византийском законодательстве термин *colonus* применяется весьма широко: «Под ним понимается вся масса византийских крестьян, как мелких *свободных земельных собственников* (курсив наш. – А.В.), так и колонов всех категорий» (там же, с. 72–73). Ср. также: *Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е.* Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984. С. 27–30.

³⁶ *Фихман И.Ф.* Введение... С. 212. Фихман при этом полагает, что наиболее многочисленным и экономически важным зависимым сословием византийского Египта был так называемый приписной колонат. Но при этом он не отрицает существование свободных деревень и отмечает, что мелкие и средние землевладельцы в Египте занимали в общей сложности большую площадь земель, чем крупные.

³⁷ *Павловская А.И.* Египетская хора в IV в. (Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук). М., 1980. С. 34. При этом государство опиралось на институты общинного самоуправления, прежде всего на комарха, который защищал интересы комы перед имперской администрацией (там же, с. 30).

Итак, на протяжении всего IV в. существовало значительное число лично свободных жителей египетской хоры, которые, если желали того, могли беспрепятственно изменить свой социальный статус. Единственной проблемой были внутриобщинные земельные отношения, так как отчуждение (главным образом продажа) земли могло иметь своими последствиями усиление фискального гнета для остальных членов общины. Но и из этого положения существовал выход: земля не продавалась, а распределялась внутри общины. Так, предположительно, было с преп. Антонием, который не продал, а именно раздал (ἐξαρῖσато) свою землю, чтобы соседи не докучали ему и его сестре³⁸. Подтверждение этого можно найти в рассказе о преп. Павле Простом (сар. XXII), который, воочию увидев измену своей жены, совершенно свободно уходит из дома искать жизни монашеской, оставив, вероятно, всю свою собственность в распоряжении жены и ее любовника.

Интересны своеобразные “списки профессий” монахов Нитрийской горы и панопольского монастыря, которые дал Палладий соответственно в VII и XXXII главах. В VII главе он сообщает, что среди насельников Нитрийской горы есть врачи (ἰατροί) и пирожники (πλάκωντάριοι)³⁹, семь пекарен, изготавливающих хлеб не только для себя, но и для отшельников большой пустыни⁴⁰. Есть также поварская (μαγειρεῖον)⁴¹. Несмотря на то что в текстах по истории монашества говорится, как некоторые подвижники овладевали в монастырях новыми для себя профессиями, можно предположить, что выучиться в монастыре на врача было чрезвычайно сложно, если вообще возможно. Профессия пекаря (или пирожника), которая всегда была востребована, также предполагала наличие опыта и серьезного навыка⁴². Следовательно, среди монахов Нитрийской горы были бывшие ремесленники, однако их количество мы, к сожалению, не можем установить даже приблизительно. Можно лишь предположить, что, находясь рядом со столь

³⁸ Vita Antonii. Сар. II. О предположении, что это было сделано из-за фиска см.: *Athanase d'Alexandrie. Vie d'Antoine / Introduction, texte critique, traduction, notes et index* par G.J.M. Bartelink. P., 1994 (SC, 400). P. 134. Not. 2. Могла быть и другая причина. Известный польский папиролог Р. Таубеншлаг указывал на следы общинной собственности на землю, зафиксированные в юридических источниках (Cod. Just. III. 39, 1 (a. 294), 2; IV. 53, 3; Νόμος γεωργικός. VII. 81) – систему периодических переделов земли, ограничение отчуждения надела правом ретракта со стороны ближайших родственников или членов общины и т.д. (см.: *Таубеншлаг Р. Сельские общины в романизированных провинциях востока времени Диоклетиана* // ВВ. 1958. Т. XIII. С. 5–8). Не исключено, что преп. Антоний не стал продавать свои земельные угодья, в том числе, и по этим причинам.

³⁹ В русском переводе “аптекари” (см.: Лавсаик... С. 21). Однако все авторитетные словари дают перевод πλάκωντάριος (ссылаясь, в том числе, на эту главу “Лавсаика”) как “пирожник, кондитер”. См.: *Sofocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods: pastry-cook*. Vol. II. [s.l.], [s.a.]. P. 893; *Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, 1961: pastry-cook, confectioner (P. 1054); *Cange du. Glossarium ad Scriptures mediae et infirmae Graecitatis*. I–II. Lugdunii, 1688: placentarius, dulcinarius (col. 1177).

⁴⁰ Вероятно, в данном случае имеются в виду монахи Келлий и Скита.

⁴¹ Палладий упоминает также, что все монахи плетут ручную ткань (ὁθόνην ἐργάζονται ταῖς χερσίν), чтобы ни в чем не нуждаться. Однако ткачество было распространенным в Египте занятием. См.: *Фихман И.Ф. Египет на рубеже двух эпох (ремесленники и ремесленный труд в IV – середине VII в.)*. М., 1965. С. 15, 73. Овладеть некоторыми приемами ткачества было не сложно. Вполне вероятно, что этим ремеслом могли заниматься и крестьяне.

⁴² Согласно Фихману, даже в крупных имениях пекарями были по большей части свободные ремесленники (Египет на рубеже двух эпох... С. 211–212). Значит, даже хозяевам имения легче было нанять профессионального пекаря, нежели переучивать своего раба.

“урбанизированным” и ремесленным районом как Дельта Нила, Нитрия вполне могла быть местом, где “ремесленная” составляющая среди монахов была выше по сравнению с аграрными районами Верхнего и Среднего Египта. Однако и в среде верхнеегипетского монашества достаточно ясно видно присутствие бывших ремесленников. В XXXII главе Палладий дает сведения о Панопольском монастыре, где по его словам, насчитывалось, 300 монахов. А среди них 15 портных (ῥάλται), 7 кузнецов (χαλκείς), 4 плотника (τέκτονα), 15 сукновалов (κναθεῖς), значит по крайней мере 41 монах – бывший ремесленник. Цифра может увеличиться, если вспомнить о том, что в этом монастыре есть те, кто занимается ремеслом кожевника (βυρσεῖον), пекаря (ἄρτοχολεῖον), сапожника (οὐτοτομείον) и каллиграфа (καλλιγραφεῖον)⁴³. Таким образом, по самым скромным подсчетам около 13–15% всей братии монастыря происходило из ремесленного сословия и скорее всего из городов⁴⁴. По другим источникам известно, что монахи занимались также изготовлением мешков, маслоделием, гончарным и переплетным делом⁴⁵.

Относительно данных о наиболее известных подвижниках можно сказать следующее: по нашим подсчетам, в “Лавсаике” сообщается всего о 44 подвижниках. К сожалению, у 20 из них установить происхождение невозможно (многие Палладием просто упоминаются, без каких-либо дополнительных сведений). Но сведения об остальных, дают интересные результаты. Тех, кто несомненно происходил из города, насчитывается 9 человек, а из деревни – 3, тех же, кто предположительно был горожанином – 7, а из деревни – 5. Таким образом, эти данные, пусть фрагментарные и неполные, но, смеем надеяться, объективные, позволяют думать, что среди монашеской элиты преобладали бывшие горожане, а это ставит под вопрос заключения о преимущественно сельском характере египетского монашества.

Любопытны данные о профессиях известных подвижников. К так называемой городской “интеллигенции” относятся предположительно 3 человека (Аммоний⁴⁶, Евлогий, Диолк), к бывшим торговцам – 5 (Паисий и Исайя, Аполлоний, преп. Макарий Александрийский, Илия), к ремесленникам – 1

⁴³ С профессией “каллиграфа” существует определенная сложность: может ли она быть отнесена к ремеслу, или это так называемая “свободная” профессия, которой занималась главным образом городская “интеллигенция”. Но несомненно то, что монахи-“каллиграфы” были горожанами.

⁴⁴ Известным препятствием для определения социального происхождения монашества является так называемое совмещение профессий, по всей видимости, развитое в Египте. Однако, как указывает Фихман, совмещение часто происходило за счет смежных ремесел (например, кирпичники брали на себя работу и по укладке кирпичей и т.д.). Что касается совмещения ремесла и сельскохозяйственных работ, то оно, как указывает тот же автор, происходило главным образом со стороны ремесленников, а не наоборот. См.: *Фихман И.Ф. Египет на рубеже двух эпох... С. 70–75. Мы намеренно не включили в перечень упомянутых Палладием 12 погонщиков верблюдов (καμηλάριοι), так как эту “профессию” нельзя однозначно считать ни городской, ни сельской, и его же указание на плетение циновок, поскольку оно было излюбленным занятием египетских монахов и показателем социального происхождения быть не может.*

⁴⁵ См.: *Фихман И.Ф. Египет на рубеже двух эпох... С. 210–211.*

⁴⁶ Если при этом иметь в виду трех остальных братьев Аммония – Диоскора, Евсевия и Евфимия (сар. X), а также его двух сестер, подвизавшихся возле Нитрийской горы, то цифру городской “интеллигенции”, равно как и цифру горожан в нашей таблице, следовало бы увеличить – все так называемые “Длинные братья” находились на одном уровне культуры и были заметными фигурами в истории египетского монашества.

(преп. Иоанн Ликопольский). Интересно также отметить, что в “Лавсаике” упомянут всего один человек, происходивший из семьи священнослужителя, – Евагрий Понтийский, который был сыном хорепископа⁴⁷. И только одного подвижника (преп. Павла Простого) Палладий называет земледельцем (ἄγροικὸς γεωργός), остальные представляют такие “профессии”, которые, если не иметь дополнительных данных, невозможно точно отнести ни к сельским, ни к городским – погонщик верблюдов, пастух⁴⁸, бальзамург.

⁴⁷ Хорепископ хотя и управлял сельской округой, но пользовался ограниченной властью. Он также мог совершать только так называемые *ordini minori*. См.: *Palladio. La Storia Lausiaca*. P. 372.

⁴⁸ Речь идет о Макарии младшем (сар. XV). Вопрос о его социальном происхождении интересен и неоднозначен. С одной стороны, Палладий пишет, что он юношей пас скот близ озера Мареотис. После совершенного им невольного убийства он раскаялся и сделался отшельником. Профессия пастуха предполагает скорее его сельское происхождение. С другой стороны, в беседе с Палладием он демонстрирует очень тонкое знание Писания: сравнивает свой поступок с невольным убийством, совершенным Моисеем. Он также утверждает, что *прочел* об этом в Св. Писании (ἔλεγε δὲ αὐτὸ γράφειν). Палладий, не знавший по-коптски, нигде не указывает, что у этого отшельника есть переводчик – значит, они беседовали по-гречески. Эти факты говорят в пользу его городского происхождения.